ТАЙНАЯ КОМНАТА

ЭРНАР МАКИШЕВ

2026

Эрнар Макишев

Тайная комната

«Автор»
2026

Макишев Э.

Тайная комната / Э. Макишев — «Автор», 2026

Шесть историй о людях, которые однажды открывают закрытую дверь. Восьмилетняя девочка отпирает комнату, куда дед не пускал её всю жизнь, и то, что стоит там на столе, объясняет, почему её саму прячут от соседей. Вернувшийся из армии парень устраивается санитаром в клинику дяди, а после землетрясения доходит до палаты, где его ждут сорок лет.Родительское собрание в новой астанинской школе превращается в осаду: буран за окнами, сломанный ключ в двери, одна путёвка в Дубай и двенадцать матерей, готовых за неё драться. Таксисту вручают управление всеми светофорами города и хвалят за усердие, не объясняя, ради чего. Тренер фитнес-клуба ходит по кругу, у которого слишком много центров, и ловит себя на том, что засыпает стоя. Раз в год человек получает конверт с адресом и уходит закрывать башню в чужом мире. Брат по ночам жжёт уличные силомеры, потому что знает, чем они питаются.

© Макишев Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Тайная комната 5
Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 11
Глава 4 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Эрнар Макишев
Тайная комната

Тайная комната

Глава 1

Мы жили в пятикомнатной сталинке на третьем этаже на улице Фурманова. Я любила смотреть на улицу в окно и рисовать карандашами какую-то женскую фигуру. Из таблички на стене противоположного дома я знала, что улица, на которой стоял наш дом, называется Фурманова, но дальше мои познания о городе заканчивались. На горизонте возвышались горы, и я часто представляла, как из-за гор вылетает мама с красивыми крыльями и залетает ко мне в окно. Я даже мысленно распахивала окно, но Әже меня за это наругала бы.

Жила я с Ата и Әже, в школу не ходила, и меня обучала Әже. Даже в столь раннем возрасте, а мне было восемь, я понимала, что с нами что-то не так. Меня никуда не пускали, к нам никто не приходил, и только ночью, часов в одиннадцать, Әже одевала меня, и мы выходили на детскую площадку, чтобы я подышала свежим горным воздухом. Но и тогда мне не разрешалось садиться на качели, потому что они были скрипучие и соседи из окон могли подсмотреть, что там раскачивается какая-то девочка. Бегать по квартире мне не разрешалось, потому что соседи снизу могли услышать топот ребенка. Даже смотреть в окна можно было только через тюль.

У нас хоть и была огромная пятикомнатная квартира, но одна комната всегда была заперта, и туда заходил Ата и только по вечерам. Гремел там какими-то железками и звякал стеклом, а выходил всегда разочарованный. Он удрученно вздыхал, бросал тяжелый взгляд на Әже и уходил читать свои газеты и книги в кабинете. Иногда я заглядывала в ту закрытую комнату через замочную скважину, но видела только стол, на котором лежало что-то, накрытое скатертью. Если прислушаться, то из-за двери доносился какой-то монотонный шум. Я могла его слышать, но увидеть, что издает такой шум, не было возможности. Ата отгонял меня от двери и страшно накричал, когда Әже увидела меня подглядывающей в замочную скважину.

Игрушек у меня было немного, две куклы, две машинки, но зато карандашей сколько угодно. Телевизора, интернета у меня не было, но я научилась прислоняться ухом к стене и слушать телевизор соседней квартиры. Әже была глуховата и списывала мою привычку сидеть у стены на придурь. Я говорила, что мне нравится, как стена холодит ухо. Иногда кто-то стучался в дверь, и тогда мы выключали свет и затихали. Я пряталась под кровать, пока кто-то большой и страшный стучал в дверь. Потом Әже звала меня и была необычайно ласкова, поэтому я ждала, что кто-то будет стучать в дверь, с нетерпением. Для меня это было игрой.

Иногда Ата и Әже разговаривали между собой и, чтобы я ничего не понимала, переходили на русский. Но я понимала — не все, но большую часть — по интонациям и по основным словам, которые слышала по телевизору соседа. Они обсуждали мою мать, которая, по их словам, скинула на их головы такое горе. Под горем подразумевалась я. Я не знала значения этого слова и думала, что оно значит гора, поэтому нарисовала большую гору. Әже похвалила меня за красивый рисунок, хотя часто ругала за то, что я рисую какую-то женскую фигуру.

Один раз в неделю Әже выходила в магазин за продуктами, в этот раз с ней пошел Ата, они хотели купить много мяса и забить им морозилку. Они с опаской смотрели на меня, уходя. Наказали ни к чему не прикасаться и не подходить к двери. Я дождалась, пока они выйдут,

и бросилась к ящику с игрушками, там я спрятала ключ от комнаты, который давно потеряла Әже. Она искала его целый месяц, методично обыскивая квартиру, но деду сказать боялась.

— Ойбай, ойпырмай, қайда кеттің? — бурчала она себе под нос.

Напялив очки с огромными, толстыми стеклами, она обыскивала комнату, но в игрушки заглянуть не догадалась. Я взяла ключ и помчалась к двери комнаты, которую они называли залом. Что значило это слово, я не знала, но оно почему-то ассоциировалось с большим столом. Я покрутила в замочной скважине ключ, но что он делает, не знала, потому что никогда сама не открывала замок. Я много раз видела, как это делает Ата, но он делал это быстро, на автомате, а восьмилетний ребенок не умеет подмечать тонкости.

Я долго крутила ключ в замке, постоянно прислушиваясь к звукам на лестничной площадке, ведь они должны были прийти уже скоро. Магазин располагался рядом с домом. Старые часы с кукушкой, стоявшие за моей спиной в прихожей, отсчитывали время, и я чувствовала, как оно течет сквозь меня, осаждаясь в венах. На мою удачу, замок был примитивный и расшатанный многолетним использованием, и я как-то ухитрилась провернуть личинку замка. Он щелкнул, оставив меня остолбеневшей от того, что я сделала. Я никогда до этого момента не вела себя плохо. Всегда поступала так, как велела мне Әже.

Дверь с предательским скрипом распахнулась вовнутрь под действием сквозняка. Я вошла в комнату, и первое, что меня поразило, — был запах. Я его чувствовала в квартире, но здесь он бил в нос так, что кружилась голова. Комната была полупустая, посреди стоял огромный стол. Пол был деревянный, паркетный, он затрещал даже под моими двадцатью пятью килограммами тщедушного тела. На стол была постелена скатерть, из-под которой тянулись трубки к какому-то предмету, которого я никогда не видела. Он был похож на вешалку для шляп деда, на которую он забрасывал свои старомодные шляпы. Дед был древним, дряхлым, мне казалось, что ему сто лет, хотя ему было не больше шестидесяти. На стойке висел пластиковый пакет с прозрачной жидкостью. А механический монотонный звук исходил от какого-то аппарата на колесиках.

Я набралась смелости и, привстав на цыпочки, нависла над столом, поднимая скатерть.

. . .

Женщина-психолог с открытым ртом слушала мой рассказ. Мы сидели в кабинете клиники, которая невнятным аппендиксом была пристроена к жилому зданию. Кабинет был просто закутком у входа, огороженным в общем пространстве пластиковыми перегородками, сквозь которые было слышно все, что происходило вокруг. Было слышно, как входила следующая клиентка, долго шуршала одеждой и скрипела диваном. Ее поприветствовала администратор. Почему-то казалось, что та, другая клиентка, была одета в пальто и красный шарф. Судя по всему, она слышала все, что произносилось в кабинете, так же хорошо, как в кабинете было слышно шуршание колготок о синтетическую поверхность диванчика.

Нас прервала распахнувшаяся без стука дверь. В нее вошла женщина, которая ранее встретила меня у входа, показала, где снять одежду, и указала на кабинет. Это была администратор, и она бесцеремонно прервала сессию, знаками указывая на часы на левом запястье. Мне все равно нужно было идти. Женщина-пациент с любопытством смотрела на меня, входя в кабинет.

Глава 2

Бека лежал на спине, и из его живота торчала железная арматура. Парни стояли и смотрели на него равнодушно. Мы спустились со второго этажа стройки, на которой нас не должно было быть. Темнело. Снег падал на голову. Снежинки падали в лужу крови, растекавшейся под телом Беки. Нас было пятеро. Слева от тела стоял Кайсар. Кайсар был дедом, которого послали с нами, он был старше остальных четверых на восемь месяцев, но с первого дня дал понять, что между нами интеллектуальная пропасть. Он не подавал руки, а если кто-то из духов не бежал, пригнув голову, чтобы поздороваться, подходил и незаметно бил под дых — «саечка, котакбас», как он говорил. Я так и не понял, что это значит. Был он из какого-то далекого аула.

— Не істейміз? (что делать будем?) — спросил Дамир. Самый младший в нашей пятерке, он ходил с рассеченной губой и огромным синяком под глазом. Его избил сержант для профилактики, когда Дамир, как показалось сержанту, нерасторопно выстроился на плацу. Дамир был самый смелый среди нас, за что его били все, но он не тушевался и всегда вставал, даже когда ему кричали лежать. Сержант был зверюгой, и мы все его боялись. Он был абсолютно и люто сумасшедший.

Из-за угла незаконченного здания вышел бригадир. Одет он был в спецодежду, сигарета в руке дымилась и прогорела до фильтра, обжигая ему пальцы, но он не обращал внимания, молча встал и смотрел, как Бека хрипит.

— Уносите его. Несите в часть, — сказал он.

— Бери его за ноги. Понесли в часть, — приказал Кайсар. Никому не пришло в голову звонить в скорую. У нас и телефонов не было, были раньше кнопочные звонилки, засунутые в карманы бушлата. Но когда родные начали узнавать, что происходило в части, их забрали и закрыли в каптерке.

В целом, кроме бушлата, на теле ничто не выдавало в нас солдат срочной службы. Наши безусые лица могли сойти за подростковые. Строго говоря, нас на этой стройке быть не должно. Нас привезли утром на «КрАЗе», окрашенном в камуфляжные цвета. Бригадир вышел, поговорил с сержантом и отсчитал ему несколько купюр. Они не прятались и совершенно свободно говорили о нас как о скоте, считая по головам.

До части было несколько километров, мы притащили тело, оставляя кровавый след на обочине дороги. Проезжающие машины обдавали нас морозной крошкой, водители только смотрели на нас через заиндевевшие окна. Сержант равнодушно выматерил нас за то, что один из нас был мертв. Ему придется теперь вернуть деньги строителям и писать рапорт о происшествии с солдатами.

. . .

Так прошел мой год в армии. Я вернулся в Алматы уже через месяц после несчастного случая на стройке, и сейчас тупо таращился на статую Абая, стоявшую там, где ей и положено стоять на улице Абая.

Из транса меня вывел хлопок по плечу. Я обернулся — это был Арман. Мы с Арманом познакомились пару дней назад, на вокзале Алматы-2, куда я выгрузился на перрон из состава Шу-Алматы.

— Ты куда сегодня?

— На базар.

Мы подрабатывали на зеленом базаре грузчиками. Платили по пять тысяч тенге в день, этого хватало на оплату койки, донер и колу. Я после армии должен был оглядеться и прийти

в себя. Койку я снимал в доме в районе, который назывался Компот. Бывшие дачи, каждая улица носила смешное фруктово-овощное название, оттуда и пошло название Компот.

Мы быстро дошли до базара. Светало. Базарники, громко матерясь, указывали грузчикам, куда что грузить.

— Куда, йоптвоюмать, грузи на тележку! — громко вопила Саида. Саида была дунганкой и работала на базаре со дня его открытия. Она громко материлась, но делала это беззлобно, и было не обидно. Просто она по-другому не могла выражать свои мысли. Почему-то она всегда вытирала руки о передник, обернутый вокруг грузного тела, и поправляла косынку на массивной голове. Ко мне она относилась хорошо, называла «солдатиком» и подкармливала конфетами, которые сыпала мне в руку, когда я проходил мимо.

Мы отработали смену и получили расчет, чтобы протянуть еще один день. Работа была тяжелая, для меня особенно, потому что я весил 55 килограммов и не мог поднять мешок картошки. Армия меня не особенно подкачала, как говорил мне военком, который отправлял меня в часть полтора года назад.

— Ты че такой дохлый? Еще бы чуть-чуть — и тебя бы забраковали из-за дистрофии, — говорил он с удивлением, рассматривая, как форма свисает с моих плеч.

Но эти воспоминания пронеслись как мгновение мимо моего лица, и я вернулся в настоящее. Мы сидели с Арманом за гостиницей «Казахстан» и смотрели, как по терренкуру прохаживаются туристы и просто горожане. Их можно было отличить друг от друга моментально хотя бы потому, что местные все были с детьми, передвигающимися короткими перебежками в толпе прохожих, а туристы были с рюкзаками и уставшими лицами.

Мы сидели, пили «Гориллу» и болтали. В основном говорил Арман.

— И тут она меня как ударит по спине, до сих пор синяк не проходит, — рассказывал Арман, порываясь снять футболку и показать синяк как доказательство происшествия. Происшествие было не смешное.

Арман шел по улице и увидел, как два бомжа спят на полу, и по какой-то причине решил подшутить над ними. Подошел и связал им шнурки на ботинках. На вопрос «зачем?» Арман просто улыбался и шутил, что у них были грустные лица, пока они спали.

— А у тебя разве не грустное лицо, когда ты спишь? — пытался найти хоть какой-то смысл в поступке я.

— Ты не понимаешь, они проснулись, одна из них оказалась женщиной, запах, конечно, был чудовищный. Они подумали, что я пытаюсь их ограбить, и женщина моментально сбросила ботинки с ног и помчалась за мной. Догнала и побила меня по спине.

Я неопределенно хмыкнул. Арман уже сменил тему разговора:

— Откуда ты, Бахыт?

— Я местный, я уже говорил. — В поддержку своих слов я кивнул в сторону гор, показывая, что мой дом там, повыше.

— А где твои родственники? — не отставал Арман.

— Нет никого. Была татешка, но она не хочет меня видеть.

— А у тети есть дядя?

— Почему ты спрашиваешь? — насторожился я.

Арман посерьезнел и сказал:

— Понимаешь, мы живем в таком мире, который не любит таких, как мы.

Я аж приподнялся на локте и спросил:

— Каких таких?

— Мы нижнее звено пищевой цепочки. Мы трава. Всегда нужен кто-то, кто сделает из нас хищников. — Арман встал на четвереньки и завыл, подражая волкам. Меня это рассмешило.

— А как же обычный путь наверх? Поступить в университет, начать работать?

— О чем ты? Кто оплатит наше обучение? Тебе после армии прямая дорога в менты. Я, скорее всего, закончу как эти бомжи, с которыми вчера дрался.

Я, пораженный таким пессимизмом, внимательно посмотрел на лицо Армана. Он не шутил и был необычно серьезен.

Я встал, отряхнул штаны, на которые налипли желтые осенние листья дуба, под которым происходил разговор.

— Ладно, давай пошли, не дадим тебе забомжевать.

Арман поставил выпитый энергетик и вскочил. Мы пошли вверх по Ленина, по дороге, которую я знал как свои пять пальцев. Арман плелся позади, периодически останавливаясь, чтобы отдышаться. Мы забрались в самую чащу частного сектора. Поднялись на холм, огороженный огромным забором. Я позвонил в домофон и долго ждал, пока охранник ответит.

— Кім бар онда? — послышался раздосадованный голос Сейфуллы. Он работал охранником у моего дяди с незапамятных времен, когда особняк на этом холме был еще дачным домиком и вокруг росли яблоневые сады.

— Бұл менмін, Бахыт.

— Бахыт! — Автоматическая дверь сразу стала отъезжать, из нее выбежал Сейфулла и обнял меня. Арман стоял поодаль и ошарашенно наблюдал.

— Ағай үйде ме?

— Да, он дома. Сегодня раньше приехал. Он в саду.

В саду у дядьки была небольшая мастерская, в которой тот возился с поделками. Помню, он смастерил мне деревянную машинку, которую надо было катить на палочке.

Территория напоминала какой-то санаторий: ухоженный газон под нежным осенним горным солнцем. Мастерская была открыта нараспашку, но в ней никого не было. На столе сохла какая-то деревянная тумба. Видимо, дядя только отошел. Я обошел мастерскую и увидел дядю, сидящего спиной ко мне на стуле. На столе перед ним был стакан с каким-то алкогольным напитком.

Я окликнул его:

— Аға!

Он вздрогнул и обернулся. Я поразился, насколько он постарел за год. В его глазах я увидел непонятные мне эмоции. Как будто на секунду из-за неожиданности и возможно алкоголя на меня взглянул ребенок, который сидит внутри каждого взрослого.

— Балам! — изломанным голосом сказал он, но осекся, как будто испугался своего голоса. Момент слабости прошел. Он опять замкнулся в своем внутреннем мирке.

— Бахыт. Где ты был? Мы искали тебя повсюду.

Явная ложь. Меня сбагрили в армию в надежде, что там из меня сделают настоящего мужчину. Ничего кроме крови, грязи и тупости в армии я не увидел.

— Как у вас дела? — спросил я из вежливости.

— Кто это? — спросил дядя, глядя мне за спину. Я забыл, что пришел с Арманом.

— Нам нужна работа, — сказал я.

— Что? Мы же говорили об этом. Ты не знаешь, чем заняться в жизни.

— Я знаю. Я говорил, куда я хотел поступить.

— Это твоя придурь. Как у твоей матери. — Он махнул куда-то в сторону города. Если бы не забор, который возвышался на три метра в высоту, с этого холма был бы прекрасно виден город.

— Образования у тебя нет. Желания работать, предполагаю, тоже не водится?

Я молчал. Говорить было не обязательно.

Я много лет жил у дяди в доме фактически прислугой, в подвале, куда забредали только охранники, когда нужно было что-то достать.

— Хорошо, завтра приходите на Фурманова в клинику. Устроим в медбратья.

Арман что-то пробормотал, я выцедил сквозь зубы «рахмет», и мы ушли. Дядя облегченно сел на стул и залпом выпил свой стакан.

Глава 3

На следующее утро мы с Арманом стояли у проходной клиники доктора Мутагалипова, о чем свидетельствовала огромная золотая вывеска. Сквозь стекла входных дверей за нами наблюдали охранники, но никто не выходил.

Арман быстро устал и начал ныть.

— Он забыл. Давай зайдем спросим?

Но я слишком хорошо знал своего дядю. Ему доставляло удовольствие наблюдать за нами, перемещающимися с ноги на ногу, стоящими с просящими лицами у проходной.

— Терпи, часа через три запустит. Он знает, что мы здесь. Уж поверь.

Я ошибся. Ждать пришлось до вечера. Арман просто сел на землю, но я стоял и смотрел в камеру, направленную на вход здания. Дядя наблюдал, преподавая мне урок. Какой? Он никогда не объяснял, в чем был смысл его действий.

Когда я был подростком они с тетей часто уезжали на несколько дней, закрывали дом на ключ и не предупреждали меня. Я приходил из школы и стоял у входа. Охранников тогда не было, да и дом был поскромнее. Тогда я перелезал через забор и жил в летней кухне. Питался в эти дни с яблочного дерева. Была яблочная диета.

К вечеру к нам подошел охранник и провел в здание. Нас провели в подвал и показали шкафчики, куда можно было скинуть одежду, и выдали больничные халаты. Я не знал, чем занимаются больничные медработники, но, надев выданную одежду салатового цвета, мы посмотрели друг на друга и расхохотались. Мы были похожи на постояльцев психбольницы.

Работа была несложная. Мы работали в пристройке для реабилитации. Мой дядя был главврачом и хозяином клиники.

— Твоя фамилия тоже Мутагалипов? — спросил Арман.

Я отрицательно покачал головой. У меня была другая фамилия, почему — я не знал.

Мы мыли полы в отделении, выносили плохо пахнущие ведра. Санитарки были добры к нам. Иногда сочувственно подкармливали домашней едой. Питались мы там же в столовой с пациентами. После донеров и колы это была божественная еда.

Платили чуть лучше, чем на базаре, и работа была стабильная и гораздо приятнее.

Иногда нас просили присмотреть за пациентами, которые доставляли проблемы саниткам. Как мы поняли, эта часть клиники работала с зависимыми людьми. Люди были разные. Мужчины, женщины, даже дети. На вид совершенно вменяемые люди, они внезапно впадали в транс, что-то бормотали и заламывали руки. Они постоянно клянчили телефон позвонить. Мы оставляли телефоны в шкафчике и санитарки и санитары постоянно наказывали нам не давать им телефонов и не слушать их. Одна санитарка очень хорошо относилась ко мне.

Она сказала:

— Эти люди конченые. Они сюда попадают по пять раз, но их уже не вернуть. И это заразно. Никогда не давай им телефон и не слушай их бред.

Отделение было большое, просторное. Занимало все крыло огромного комплекса, построенного в советские времена, что просачивалось через современный ремонт. То тут, то там выглядывали мозаичные панно, полузадвинутые диванами и шкафами. На них румяные русые инженеры поправляли свое здоровье в санаториях, а молодые доярки с пунцовыми щеками пили воду из горных источников.

Мы с Арманом переехали в хостел поближе к клинике. Денег хватало на еду и проживание.

Дядю мы встречали нечасто — прохаживавшегося по своим владениям в просторных коридорах клиники. Он не здоровался и проходил мимо, не задавая вопросов. За ним всегда

бегала молодая секретарша Сания, которая с интересом осматривала меня с головы до ног, как будто что-то зная.

В соседнее крыло нас не пускали. Это была элитная психиатрическая лечебница. Вход туда охранялся и туда вели отдельные входы.

Лицо Армана становилось все более скучным с каждым днем. Эта работа была не для него. Он отлынивал от работы, сбегал со смены.

На него уже точили зуб врачи и я понимал, что скоро нас выставят за ворота.

— Баха, нам нужно что-то менять, — сказал он однажды на перерыве. Он развел бурную деятельность и познакомился со всеми пациентами и медперсоналом, улучая моменты, когда у них были прогулки или перекуры.

— Тут есть гарантированное дело, но я не знаю, насколько ты доволен тем, что делаешь, — издалека начал он.

— Мне тут не очень нравится, — сказал я, не совсем понимая, куда идет разговор.

— Знаешь Даника?

Даник был одним из пациентов, с которым мы подружились. Если это можно назвать дружбой. Перекидывались парой слов на прогулке, когда мы торчали в коридорах со швабрами, носили утки или катили тележку с едой для VIP-клиентов.

— Ну да, он еще вечно поет свои дурацкие песни.

Я вспомнил его напевы — «Come on, superman, tell your stupid line» — с дурацкой ухмылкой на лице. У меня была сильная школа в центре Алматы, и я знал английский.

— У Даника есть информация о твоем дяде и его кабинете. Нам нужно с ним поговорить.

Долго ждать не пришлось и нам выпал случай поговорить. Мы драили сортир с Арманом, когда швабра завибрировала и начала биться о жестяные стенки ведра, в котором стояла. Вода начала выплескиваться из него. Мы замерли, не понимая, что происходит, и тут на нас посыпалась штукатурка. Меня кинуло на стену, и я схватился за светильник, торчащий из стены, чтобы удержать равновесие. Наконец до меня дошло, что происходит землетрясение. Санитары забегали по этажам. Охранники начали открывать аварийные выходы. Пациенты и персонал все столпились во внутреннем дворике. С криками откуда-то из недр больницы выскочил мой дядя, на бегу сдернул с себя медицинский халат и накинул его на пациентку, лица которой я не успел рассмотреть. Замотал ее голову в халат и увел назад, прихватив пару охранников. Землетрясение все еще продолжалось, и я, как и все, не понимал, что происходит. Здание ходило ходуном, сыпалась штукатурка, на небе, на котором не было ни облачка, били яркие молнии. Пациенты, среди которых были незнакомые лица, из отделения куда нам вход был закрыт, дрожали и плакали. Санитары и медсестры как могли успокаивали пациентов. Толчки продолжались минут двадцать, в воздухе пахло озоном и жженой проводкой. Откуда-то издалека, со стороны города, слышались сирены.

В районе отключилось электричество и на заднем дворе загудели дизель генераторы. Загорелось аварийное освещение, залив коридоры сиреневым светом. Система допуска в здание не работала, и нам пришлось заночевать прямо в отделении. Нам пообещали выплатить сверхурочные, но это была явная ложь, о чем я догадался, взглянув в глаза заведующей. Но мы остались, чтобы в случае чего прийти на помощь дежурным, так как камеры наблюдения не работали и охрана была слепа.

Нам выдали связку ключей одну на двоих. Мы и так ходили везде по двое, потому что лудоманам и психбольным могла взбрести в голову что угодно.

Для особо пугливых во дворе и в саду приготовили раскладушки, чтобы они могли спать не в помещениях. Все кто боялся быть погребенными заживо под завалами выбрали спать на улице.

Перекусив странными пирожками из столовой, в двенадцать часов ночи мы пошли в палату к Данику. Он не стал спать на улице и вернулся в пустую палату.

Разговаривать с Даником было сродни разговору с мартышкой. Он постоянно вскакивал и порывался убежать. Часто чесал немытую голову и повторял строчки песен, которые я никогда не слышал. Что Арман хотел вытянуть из Даника, стало ясно через десять минут.

— Мой папа — депутат. Больше того — сенатор. Меня сюда поместили по личному указанию главврача клиники.

Тут он прервался, чтобы ловить муху, которая летала по палате. Мы все дружно принялись ловить муху, чтобы он продолжил свой рассказ. Муха была поймана и заключена в темницу из перевернутого стакана, где тихо гудела.

— Главврач взял меня на особый контроль и через день вызывает на беседы. Я хожу свободно, без санитаров, и мы просто беседуем, а потом он дает мне лекарства.

Арман прервал Даника:

— Скажи, что есть в кабинете.

— Стол, стул, картины, — начал перечислять Даник, загибая пальцы. Я постепенно понимал, что у него какое-то расстройство аутистического спектра. Я много читал в школе, особенно по психологии и психиатрии.

— Сейф, диваны, стол…

— Стоп, — прервал его Арман. — Что в сейфе? Ты видел?

Нам пришлось тормошить Даника, потому что он засыпал: начали действовать какие-то лекарства, которые он принимал горстями под присмотром санитаров.

— Деньги, бумаги, лекарства, — прошептал он.

— Сейф на ключе? Как открыть?

— Код замка 236, я успел подсмотреть.

Это все, что нам нужно было знать. Мы переглянулись, и Арман тихо засмеялся. Иногда мне казалось, что он был таким же пациентом, как остальные, а не работал тут.

Глава 4

— Ждать и планировать долго нельзя. Пока охрана возится с пациентами, у нас есть шанс проникнуть во второй корпус, — сказал мне Арман на бегу. Он быстрым шагом шел по подвалу, который раскинулся под всеми блоками. Света в подвале не было. Мы шли на ощупь, подсвечивая себе путь фонариками сотовых телефонов, которые превратились просто в фонарики: связи не было ни в подвале, ни наверху. Она пропала с первыми толчками. «Интересно, сколько баллов по шкале Рихтера было?» — билась в голове мысль.

Иногда мы бились головами о стены, спотыкались о швабры, ведра и прочий мусор, раскинутый по всему подвалу. По концентрации советских деревянных швабр с ведрами подвал мог дать фору магазину швабр, если таковой где-то был.

Наконец впереди забрезжил свет аварийного выхода, и мы вышли в пищеблок второго корпуса, из которого по служебному коридору можно было добраться до кабинета главврача. По крайней мере, так было нарисовано на плане пожарного выхода. Мы посмотрели на план этажа и решили, что самый большой кабинет и есть кабинет главврача.

В коридоре было пустынно и темно, кое-где мерцали таблички над проемами лестничных пролетов. Мы подошли к двери кабинета, на которой огромными золотыми буквами было написано: «Главный врач клиники им. Мутагалипова, Дастан Хамитович Мутагалипов, доктор наук, профессор, академик Академии наук РК, почетный академик РАН» — и много других регалий мелким шрифтом. По замыслу дизайнера таблички входящий должен был быть поражен и напряжен встречей со столь значимым человеком.

Мы застыли, не зная, что делать дальше. Замка на двери было два: электронный и механический. Ключей от этого блока у нас не было. Я прильнул ухом к двери, чтобы проверить, на месте ли хозяин кабинета. Там было тихо. Не хотелось вскрыть кабинет и оказаться с ним лицом к лицу. Из-за спины послышался голос Армана:

— Отойди.

Едва я отошел от двери, как Арман обрушил на ручку огнетушитель, снятый со стены коридора; ручка отлетела и ударилась о пол с металлическим звоном. Звон полетел по коридору, и я ожидал услышать топот ног охранников, но ничего не произошло.

Электронный замок не работал — видимо, сгорел от перепада напряжения, — а удара огнетушителя было достаточно, чтобы вскрыть механическую защелку. На нее видимо никто не полагался, весь расчет был на электронный замок.

Мы вошли в кабинет, и я даже присвистнул. Кабинет был гигантский: надо было преодолеть метров тридцать, пока дойдешь до огромного вычурного деревянного стола и огромных пузатых кожаных диванов, на которых главврач принимал пациентов или пил чай, наливаемый секретаршей на шпильках.

За столом, как и говорил Даник, находился огромный сейф, который призывно пикнул, приглашая ввести код, когда я протянул руку к клавиатуре.

Открыв массивную дверь, я начал вытаскивать содержимое на стол.

Там были пачки купюр, какие-то побрякушки, папки с бумагами, старые фотографии. На одной из фотографий меня привлекли знакомые черты. Это были Ата и Әже, молодые, в старомодной одежде; подпись гласила: «Алма-Ата, 1986 год». Тут я понял, насколько похож мой дядя на своего отца.

Арман схватил пачки купюр и золотые изделия и тормошил меня:

— Пойдем! Пойдем, пока нас не замели!

Но все мое внимание переключилось на серую папку с подписью «Сауле Мутагалипова».

Я открыл папку, и из нее на пол выпало что-то металлическое и фотография. С фотографии на меня смотрела молодая женщина со знакомыми чертами лица. В детстве она обнимала меня и все время плакала. Я помню соль ее слез, капавших мне на лицо.

Я читал историю болезни и ничего не понимал, особенно меня поразили строки: «детей — двое, родов — 3».

Папка была пухлая, назначений было много, история болезни, рецепты, анализы. Все скрупулезно собрано в один документ и хранилось в сейфе. На последнем по хронологии формуляре значился номер палаты - 201. Сердце забилось сильнее, я понял, что мне нужно попасть к ней в палату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.